

КРЕПОСТЬ

ВАЛЕРИЙ КАРИБЬЯН

Валерий Карибьян

Крепость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70629808

SelfPub; 2024

Аннотация

Во время посещения Брестской Крепости у здания казарм 125-го стрелкового полка, располагавшегося 22 июня 1941 года на Западном острове, главный герой становится свидетелем необъяснимых метаморфоз...

Валерий Карибьян

Крепость

Памяти Героев.

Я вошел на территорию Крепости через Северные ворота, ступив на один из четырех островов. Путь к сердцу комплекса пролегал вдоль молчаливо стоящих западного и восточного фортов. Скрытые от глаз валами, рвами да насыпями, они как будто пытались тебе что-то рассказать. Пройдешь мимо и не поймешь, что за фрагменты кирпичных стен теряются в яркой зелени ухоженной к сезону травы.

Впереди Цитадель. Домов комсостава, располагавшихся по разным сторонам от дороги Север-Юг, проложенной по линии засыпанной реки, здесь уже давно нет: они стерты с поверхности беспощадной артиллерией врага. Стерты не сразу: из окна второго этажа еще отстреливался политрук со своей женой, в момент, когда из-под груды обрушившейся стены торчали пыльные ножки их мертвых детей. Последние патроны офицер оставил для жены и себя.

22 июня 1941 года в этом месте дьявол решил организовать полыхающий филиала ада. Немецкая машина Вермахта в лице 45 пехотной дивизии тупо выжигала жизнь Брестской Крепости. Кирпичи казематов плавились, как воск. Ру-

котворному возведению преисподней сопротивлялись лучшие из лучших. Уничтожение гарнизона, с планом молниеносного блокирования всех четырех островов и захвата мостов для переправы частей и техники, на что командованием захватчиков самонадеянно было выделено восемь часов, превратилось в целый месяц ожесточенного штурма и обороны на разных участках. Отдельные очаги смогли подавить только к концу июля – началу августа.

Через два месяца здесь была Война.

Апрельское солнце пекло сильнее привычного для этого времени. Клубящиеся облака проплывали по синему белорусскому небу, строго взирая с высоты и читая твои потрясенные мысли. Где-то за ними всегда прячется клин усталый.

Еще перед входом в ворота мои внутренности затрепетали. А когда ноги вступили на землю, впитавшую в те дни героическое отчаянье военных и гражданских, сердце сжалось до боли и в таком состоянии на мгновение замерло.

Воздух здесь другой, нежели в городе, а ведь совсем близко, за валами, сразу за северной обводкой стоит жилиая многоэтажка – и все там иное, отличное. Если бы я мог подобрать слова к описанию своих чувств... но, кажется, таких слов не существует.

Я ушел вправо, в сторону западного форта, входящего в часть Кобринского укрепления, где в 41-м находилось расположение 125 стрелкового полка, чьи бойцы трагическим

июнем нанесли врагу серьезный ущерб в живой силе и на время деморализовали напиравшие с яростными воплями группы немцев.

Возле казарм, построенных еще поляками до 1939 года, оказалось тихо и безлюдно. Угрюмые своды арок аппендикса, примыкающего к основному зданию, очерчивали гипнотизирующие входы.

В одном из них, в крайнем дверном проеме, я увидел, как вырисовывается силуэт чей-то фигуры. Огромные, шаровидные глаза светились во мраке, как у притаившейся кошки. Фигура шевельнулась, в районе пояса блеснула медная бляха. В следующую секунду сквозь полотно черноты, отделявшей аркаду от внутреннего помещения, просунулась рука, облаченная в грязный хлопчатобумажный рукав. А следом из проема вырвался такой громкости шепот, что казалось, его слышит вся округа:

– Ты принес воды? – прозвучало сипло, затем вырвался сухой кашель.

– Ч-что? – Я немного удивился.

– Лёха... он погиб... там, в подвале. Не дождался воды.

– Какой Лёха? – мой голос прозвучал скованно, во рту пересохло, я не мог интерпретировать смутные ощущения и нахлынувшую тревогу.

– Значит, ты не принес воды, – безнадежно прохрипел голос, и рука погрузилась обратно во мрак.

Не успел я подумать о неуместных розыгрышах, как за

спиной раздались короткие автоматные очереди. Птицы с возмущенными криками покинули насиженные ветки деревьев. Я вздрогнул и, пригнувшись, развернулся: из кустов торчали стволы орудий, а в листве мелькали немецкие каски. Поляну перед казармами пронзил ядовитый возглас, чеканя призыв сильным акцентом:

– Сдавайсь, русски! Сдавайсь!

Еще одна автоматная очередь в воздух – я согнулся и закрыл голову руками.

Реконструкция?

Вмиг небо затянуло гарью, и вместо облаков на восток помчались бурлящие сгустки копоти. На поляне образовались гигантские дымящиеся воронки, всюду лежали трупы солдат: большинство в одних белых рубахах, пропитанных кровью и сажей, некоторые – в нижнем белье, и немало – без всякого оружия.

– Сюда, твою мать! С ума сошел?! Сюда! – приказал голос из дверного проема.

Тут же раздался оглушающий свист, и в нескольких шагах левее прилетел снаряд, вырвавший огромный клочок земли. Меня окатило взрывной волной, по лицу шрапнелью ударили крупинки почвы, в плече возникло невыносимое жжение. Посмотрев на сочащуюся алой жидкостью рану и окинув остального себя растерянным взглядом, я обнаружил на теле дырявую в нескольких местах бледно-зеленую гимнастерку без ремня, а на ногах – шаровары и кирзачи.

– Сюда, сказал, твою дивизию! – вновь донеслось из казармы.

Больше не раздумывая, изо всех сил я рванулся в здание. Позади меня загрохотало так, что в ушах все кололо и резало; голова звенела, как огромный колокол от ударов чугунного языка по юбке.

Из окон этажей и полуподвалов казармы в сторону немцев вели огонь остатки 125 стрелкового полка. Все грохотало в чудовищном безумии.

Я ворвался в проем, держась за левое плечо, и меня тут же подхватила чья-то грубая, здоровенная ладонь. В аркаду прилетел снаряд – вход в помещение завалило обломками.

– Сюда, – тащила меня фигура, сердито приговаривая: – Какого хрена только по светлу объявился?

Я не знал, что ответить. Во все это нельзя было поверить. Казарма содрогалась от отстреливающихся из нее бойцов и еще больше – от обрушившегося на нее огня всех видов подручного врагу оружия.

Чудом уклонившись от массивного куска потолка, свалившегося на пол в метре от нас, мы добрались до какой-то лестницы, уходящей вниз, и вскоре очутились в горячем полуподвале. Пыль моментально забила в ноздри, дым застилал глаза. В дальнем углу, вытянув забинтованные испачканными, окровавленными бинтами ноги и опершись спиной о кирпичную стену, качал головой и стонал красноармеец:

– Пи-и-ить, дайте пи-и-ить...

Чуть поодаль лежал мертвый рядовой, уткнувшись лбом в стену с незавершенной, плохо читаемой надписью, а на животе покоился штык.

Еще двое, по виду серьезно не раненые, один с пистолетом, второй с – винтовкой, контролировали вход; другая пара вела огонь из прямоугольного окна, упирающегося в потолок: снайпер и стрелок с пистолетом-пулеметом – оба на импровизированном деревянном постаменте.

Ко мне подскочила совсем молоденькая девчонка в гражданской одежде. Ее лицо почернело от гари, а волосы покрылись сединой цемента:

– Что с ним?

– Ерунда, осколок в плечо угодил, – ответил сопровождавший, передав меня в руки черноглазой комсомолке со значком РКСМ на груди и потрепанной аптечкой наперевес.

Она отвела меня к стене, посадила и принялась обрабатывать рану.

Теперь я мог отчетливо разглядеть «человека из проема». Он держал в руке автомат, имел, кажется, сержантские петлицы: два треугольника; приземистый молодчик с квадратной, лысой головой, морщинистым не по возрасту лицом и выпуклыми глазами.

– Ползут, сволочи, – прошипел снайпер в сторону позиций немцев. – Гранатами закидать хотят. Думают, не вижу, паскуды.

Раздался очередной выстрел из его винтовки, и где-то наверху отчетливо прозвучала немецкая ругань вперемешку с криками:

– Цурюк! Цурюк!

– Все равно рано или поздно выкуривать начнут. Жечь будут из ранцевых огнеметов. – Автоматчик сплюнул на грудь кирпичей и вытер потрескавшиеся губы опаленным кулаком.

– Будут, – отозвался офицер у входа. – А пока сдохнет их пускай побольше, чтобы жизнь прогулкой не казалась. Иди, – он мотнул головой в сторону окошка, и второй, контролировавший с ним вход, поменялся местами с автоматчиком, а лупастый – со снайпером.

Черноглазая управилась с раной быстро, похоже, рука у нее набита. Еврейка, подумалось мне, – нельзя ей в плен. *А кому можно?..*

Офицер, лет тридцати пяти, судя по двум квадратам – лейтенант, посмотрел на меня строго, исподлобья. Его взгляд мне не понравился.

– Чего по светлу только вернулся? – он задал вопрос неприятным тоном.

– Как ты перед немцами-то спокойно прошел? – подхватил его первый снайпер.

– Пи-и-ить, пи-и-ить... – снова простонал в углу раненый боец.

Я смог лишь челюсть приоткрыть. Онемел. Язык вязало, и не получалось выдавить из себя ни слова.

За окном прогремел мощный взрыв, все дернулись, несколько кирпичей рухнули под ноги.

– Возник перед аркадой, как черт из табакерки, – прервал напряженное молчание лупастый.

– Уж не завербованный ли? – офицер демонстративно сжал рукоятку пистолета, его костяшки громко хрустнули.

– Будет тебе, командир, – вступился «человек из проема». – Какой он, к черту, завербованный. Смысл ему тогда обратно соваться? Сто лет его знаю как облупленного. Нет, *этот* – точно не предатель. – Он сделал пару одиночных выстрелов в окно и сморкнулся в угол.

– Я-я... – наконец мои первые звуки с трудом вырвались наружу.

– Ладно, бери винтовку и дуй к окну, – приказал офицер, махнув рукой на оружие возле мертвого красноармейца.

Последнее, что я видел – это струя пламени,рывающаяся через окно в полуподвал. Первыми сгорели бойцы на стрелковых позициях. Через пару секунд брызнула еще одна струя...

– Эй.

Кто-то потербил меня за плечо.

– Ты там живой? – обратился незнакомый голос.

– Напился, что ли? – ухмыльнулся второй.

Я открыл глаза и поводит зрачками по сторонам: лежу на мягкой траве; посмотрел в небо – облака так и плывут в мир-

ной синеве, прикрывая клин усталый.

Обступившие меня люди помогли встать на ноги.

Я шумно отряхнулся:

– Не пью. Вообще.

– Поплохело? – спросил первый.

– Есть немного. Голова шалит время от времени.

– Ясно.

– Проводить, может? – предложил второй.

– Спасибо, но теперь управлюсь. Такое бывает нечасто и длится недолго, так что сам пойду.

– Ну, смотри.

Двое то ли туристов, то ли местных, забредших к казармам 125 стрелкового полка, вскоре пропали из вида. Я окинул смурным взглядом изношенное здание и местность вокруг него. Земля притаилась... подозрительно молчала... как будто живая.

Диагноз – еще не приговор, сказал я себе мысленно. А что людей, оставшихся рядом после всех перипетий, по пальцам на одной руке сосчитать, – невелика беда. Их тоже в подвалах да этажах горстки оставались. И эти горстки не побоялась дать отпор целому полку. Смешно даже сравнивать. Вот и с тобой остались самые преданные да любящие. Береги их.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, задрал кверху подбородок. И зашагал обратно к дороге Север-Юг, вдоль которой бойцы гарнизона шли на прорыв в июне 1941-го. В какой-то момент я обернулся, чтобы посмотреть на проем за

аркадой. Высунувшаяся из темноты рука помахала мне на прощанье.